

К.Н. Курков

Дворянство как социально-политическая элита России в начале XX в. (политологический анализ)

Темой статьи является политологический анализ российского дворянского сословия, столетиями представлявшего отечественную элиту. Затрагивается также проблема реформирования сословия, прежде всего, в лице российских дворян-предпринимателей. Особо рассматривается дворянский менталитет как основа психологии элиты. Изучение истории российского дворянства, сохранявшего свои позиции до начала XX в. в качестве социально-политической элиты общества, имеет значительную ценность для преподавания теории политического элитизма в высшей школе.

Ключевые слова: социально-политическая элита, эволюция отечественной элиты, властвующая элита, военная элита, психология элиты.

Рассмотрение российского дворянства как социальной и, как следствие, политической элиты российского общества представляет ценность не только для исторической науки, но и для политологии, в частности, при исследовании истории и теории отечественных элит, в использовании ее содержания для критического осмысления исторического опыта, опосредованно приложимого к современной российской действительности. Серьезнейшее значение для политической элиты имеет ее психология, определяющая степень внутренней сплоченности и эффективности этого социального слоя, и в силу указанного обстоятельства в настоящей работе менталитету российского дворянства уделено особое внимание.

Актуальность темы подчеркивается мизерным количеством политологических исследований данного направления. В советском обществоведении понятие политической элиты считалось псевдонаучным и буржуазно-тенденциозным, т.к. марксизм рассматривает политику в качестве лишь надстройки над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики и классовых интересов. В фактическом запрете на самостоятельное исследование политических элит в странах социализма сыграло свою роль и нежелание правившей номенклатуры быть объектом научных исследований.

Практический интерес наша тема имеет при преподавании теории элит в высшей школе, т.к. позволяет наглядно продемонстрировать выявление связей между государственной моделью, типом развития общества и способом образования, функционирования и смены элит, отражения этих процессов в духовной жизни сословия и общества, последствия всех этих факторов для российского социума. Ведь наибольшая жизнеспособность общества зависит от эффективности мобилизации его интеллектуального потенциала, профессиональной ориентации и подготовки его элиты, практического использования ее возможностей и способностей.

Ответить на вопрос о причинах и механизмах смены элит в России можно, только рассмотрев тот исторический путь, который прошла отечественная элита. Для этого следует, прежде всего, дать определение элиты вообще и обозначить место российского дворянства в системе типологии элит, предлагаемой политической наукой.

В политологии определение «элита» в самой общей форме характеризует носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций. Западные социология и политология оценивают политическую элиту неоднозначно – и как наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть; и как правящий социальный слой, обладающий организаторскими способностями к управлению другими людьми; и как избранное, наделенное особыми качествами

меньшинство; и как результат действия так называемого «закона олигархических тенденций» в обществе, связанных с созданием и развитием крупных организаций, могущих управляться только элитами [7, с. 74].

Таким образом, мы можем определить политическую элиту как немногочисленный по отношению к отдельным членам общества слой людей, занимающий руководящие посты в социальных институтах и в силу этого непосредственно или опосредованно оказывающий решающее воздействие на принятие и реализацию политических решений.

По степени близости к верховной власти и по положению в системе власти и управления элиты, как известно, делятся на:

- высшую, принимающую наиболее важные для государства решения, т.е. придворные круги, представители высшей бюрократии империи, «высшее общество»;
- среднюю, олицетворяющую власть в губерниях, областях и округах, а также непосредственно примыкающие к высшей элите служащие центральных органов государственной власти и управления;
- низшую, или административную, представленную чиновниками-управленцами и непосредственными исполнителями решений, принятых высшей элитой [11, с. 24].

От соотношения этих факторов зависит и социальная результативность элиты. Необходимым для ее нормального функционирования является оптимальное сочетание вертикальной и горизонтальной интеграции и эффективная система рекрутирования. Внутренняя сплоченность, ее усиление не должны происходить за счет социальной представительности, являющейся главным условием контроля общества за элитой. Сложившаяся же в России в начале XX в. ситуация позволяет утверждать, что самодержавно-бюрократическое государство, находившееся традиционно в руках верхушки дворянского сословия, было в наименьшей степени подконтрольно обществу, сохраняя в системе рекрутирования не просто сверхконсервативные, но порой архаические традиции и нормы; с другой стороны, преобразования Петра I ввели в этот механизм существенные элементы «антрепренерской» системы отбора, где, правда, функции контроля со стороны общества выполняло государство. Тем не менее, присутствовали определенная открытость отбора кадров и даже выдвижение на лидирующие позиции выходцев из нижних слоев общества, приоритетность индивидуальных талантов, способностей, зависимость от них успеха в продвижении по социальной лестнице, и некоторые другие характерные черты антрепренерской системы отбора.

Но элита, устанавливая и поддерживая тесные связи с остальным обществом, черпая из среды наиболее способных и талантливых его

представителей, не должна быть слишком аморфной, организационно рыхлой, неустойчивой. Российская элита начала XX в. уже не являлась социально и политически однородной. В рядах дворянского сословия пребывали и титулованные и именитые богатые помещики-аристократы, и министры, и генералы, и монархисты-крепостники, и, с другой стороны, обедневшие «люмпен-дворяне», неимущие младшие офицеры и чиновники, рабочие дворянского происхождения, лица «свободных» профессий, разделявшие нередко крайне левые убеждения, даже «профессиональные революционеры». Все эти факторы значительно снижали эффективность функционирования российского дворянства в качестве социально-политической элиты.

Как известно, организация элиты не должна обязательно представлять социальную структуру общества. (Хотя непропорциональность, неравномерность представительства разных слоев общества растет по мере повышения статуса должности, занимаемой членом элиты). Но более важной здесь является организационная принадлежность элиты (в данном случае – к дворянству), теснее связанная с ценностными ориентациями и возможностью контроля других членов организаций за членами элиты. В России практически отсутствовали такие механизмы, по крайней мере, до выхода Манифеста «о свободах», учреждения Государственной Думы и наделения ее рядом соответствующих полномочий, разрешения свободной деятельности политических партий.

Рассмотрим функционирование российской элиты кануна революции. Функции политической элиты, как известно, делятся на внутренние и внешние.

Внешние – это определение стратегических целей общественного развития; выработка внешней и внутренней политики, обеспечивающей достижение этих целей; создание и ввод в действие механизма реализации намеченного; контролирование выполнения поставленных задач.

Внутренние – налаживание горизонтальных связей; обеспечение эффективной работы того механизма, который элита возглавляет [26, р. 20]; в нашем случае – также играющая колоссальную роль в сословном обществе представительская функция, в которую входят «презентация общественного богатства» и личной храбрости, умение владеть оружием и руководить («повелевать») и т.п.

В начале XX в. российское дворянство недостаточно хорошо выполняло эти присущие элите функции. Уступая место у власти другим сословиям (особенно в период «министерской чехарды» 1914–1917 гг., когда позиции поместного дворянства на всех ключевых уровнях властной пирамиды оказались подорванными окончательно [7, с. 23]), оно

упускало как инициативу при определении государственной политики и контроль за исполнением намеченного, так и возможность создания собственной эффективной структуры, возобновление сословного единства на новых началах. Равным образом не могло высшее сословие доминировать в военном деле (для овладения усложнившейся техникой и вооружением уже не хватало традиционного «домашнего образования» и «рыцарских» правил ведения войны), и в «представительстве» (для которого не хватало средств, все более перетекавших в руки буржуазии). Потеряв связи с землей, сделав основным источником дохода жалованье, получаемое на государственной службе, дворянство должно было мало чем отличаться от представителей других сословий, органично входя в государственную систему, соответствовавшую уже не традиционному, а индустриальному обществу.

Говоря об общественно-политической элите и ее классификации, нельзя не обратиться к понятию политического лидерства, неразрывно с ней связанного. В понятие лидерства, как известно, входят:

- 1) формально-должностной статус;
- 2) субъективная деятельность по выполнению формально-должностных действий [21, с. 91–107; 23, с. 92].

Лидерство присуще сложно организованным системам, основано на их потребности в самоорганизации для обеспечения их жизненной и функциональной способности. В таких системах лидер выступает в качестве иерархической верхушки управленческой пирамиды, создаваемой для распределения ролевых функций в обществе.

По мере роста потребности общества в организованных коллективных действиях, сформулированной и осознанной в виде коллективных целей, растут и авторитет и роль лидера. В крупных, прежде всего, государственных объединениях, требующих четкой функционально-ролевой дифференциации, особо обязательны формализация лидера, придание ему официального статуса (именно так, в связи с постоянной потребностью в организации национальной самообороны, возникло российское самодержавие с его сакрализацией главы государства).

Это конституирование, узаконение лидера отражено в понятии формального лидерства, в котором власть и влияние лидера основаны на его положении в социальной иерархии, выражается в объективном выполнении им своей роли, независимо от таланта, ума, душевного и физического состояния [21, с. 107–112].

Авторитет, на который опиралась как российская социально-политическая элита, так и возглавлявший ее лидер – «первый дворянин» – император, зиждился в основном на традиционном типе легитимности,

основанном на привычке подчинения, авторитете древних нравов и традиций, вере в божественное происхождение и сакральный характер власти; однако известно, что ни один из типов легитимности, выделяемых по способу получения власти и использования ее ресурсов, не существует в «чистом виде», но обычно состоит в сочетании одного из них с другими типами. Можно сказать о наличии в монархии Романовых, наряду с традиционной, харизматической, личностной легитимности, составляющим которой стал, прежде всего, культ Петра I [8], а также – в какой-то мере – Екатерины II и ее сотрудников. Присутствовал здесь и третий из основных – рациональный тип легитимности, опиравшийся на идеологию «просвещенного абсолютизма». Доминирующим при этом, конечно, являлся традиционализм, зафиксированный юридически в Основных Законах Российской империи¹.

Из этого следует, что определенной долей сакрализации наделялись не только личность монарха и сам институт монархии, но и различные проводимые им мероприятия и издаваемые законодательные акты. Легитимность власти частично относилась и к формируемой ею социально-политической элите. Это позволило публицистам-идеологам сословного общества в России прийти к утверждению о чуть ли не сакральном характере дворянского достоинства, передающемся едва ли не по наследству.

Однако, взяв на вооружение еще в начале XVIII в. идеологию «просвещенного абсолютизма», власть лишила себя во многом того священного ореола, который позволял ей при принятии любых решений апеллировать только к «воле Божией». Теперь перестроенный по западному образцу абсолютизм должен был постоянно оправдывать свое существование и всевластие «общественным благом». Вступив с этим «благом», понимаемым как безудержный рост потребления и сокрушение всех и всяческих устоев, в противоречие, монархия неизбежно терпела поражение, ведя к гибели и неразрывно связанную с ней сословную систему, опорой которой являлось российское дворянство [7].

Но это высшее сословие было настолько неоднородным, что в рассматриваемый период сам механизм рекрутирования в его состав закладывал основы для его распада. «Составляя определенную противоположность древнему поместному дворянству, служилое дворянство само было неоднородным по своему социальному составу. Пополнение губернского общества новым дворянством происходило неравномерно и, во многом, определялось законодательными изменениями. В конечном итоге

¹ «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» [17, с. 1].

это отражало процесс трансформации традиционного сословного общества в индустриальное (выделено мной. – А.К.)» [18, с. 94].

Одной из важнейших мер по подчинению и разделению дворянства верховной властью являлось присвоение различных почетных титулов наиболее отличившимся его представителям, поддержание постоянной перспективы получения таких титулов, и, в итоге, создание определенного искусственного неравенства в дворянской среде. Весьма значительным фактором, препятствовавшим превращению дворянства в корпоративную общность, была легковесность дворянских титулов. «Каким-то весом обладал единственно титул, приобретенный по службе, – то есть чин, – а он зависел не от происхождения, а от благосклонности правительства. Таким образом, классификация элиты не по социальному происхождению, а по социальной функции, бывшая важным элементом вотчинного строя, не только пережила Московское государство, но и приобрела при императорах еще большую роль» [15, с. 241].

Как известно, сложная кланово-родовая система наследования в Московской Руси даже не земельных владений или иного имущества, а государственных должностей, достаточно редкая для позднего Средневековья (XV–XVI вв.), уже будучи нарушенной петровскими реформами, тем не менее давала о себе знать не только в начале XX в., но и в советской номенклатурной системе. Постоянные же чины, звания и титулы, возникающие в обществе с развитой социальной структурой, привились в русском обществе чрезвычайно поздно. Особенностью большинства из них является то, что первоначально они означали не звания и титулы, а реальные должности, и только в дальнейшем оторвались от них. Так, например, титул князя, когда-то обозначавший племенного вождя, а затем реального главу княжества, стал почетным титулом, указывающим на происхождение.

Поэтому некоторые изменения в законодательстве о дворянстве с точки зрения правительственной сословной политики в пореформенный период не являлись чем-то принципиально новым. При декларированной привилегированности дворян в Российской империи в условиях реального изменения экономического, а значит, и социального устройства общества, «благородное сословие» реально уже мало чем отличалось от прочих царских подданных. В этом смысле правовое поле для его адаптации несомненно имелось – так же, как и для других граждан империи. Но сравнительно мелкие ограничения для получения прав дворянства, прежде всего потомственного дворянства, в обстановке бурного развития капиталистических отношений уже не играли той роли, которая отличает статусные привилегии в социуме с традиционным укладом. Поэтому для успешного

действия адаптационных механизмов такая половинчатость отечественных законодателей, в общем никак не влиявшая (или очень слабо воздействовавшая) на положение дел, являлась даже положительной.

Подлинный смысл изменений в законодательстве, независимо от намерений и побуждений их инициаторов, состоял в сохранении «служилой» прослойки, необходимой для удовлетворения потребности государства в офицерах, чиновниках, дипломатах, придворных и пр. Не имея достаточных материальных ресурсов для их поддержания и поощрения, не будучи в силах конкурировать в этом отношении с частными предпринимателями, самодержавие компенсировало скудость казенного жалования предоставлением привилегий и отличий, к началу XX в. все более превращавшихся в фикцию. Ряд внешних преимуществ, сохранявшихся за дворянством в тот период, был, скорее всего, лишь данью традиции (подобное положение вещей, характерное на протяжении многих столетий, например, для Великобритании, не мешало последней оставаться великой европейской державой. Огромная роль, которую там буквально до последних лет играли титулованные землевладельцы, способствовала поддержанию стабильности и порядка на Британских островах).

С другой стороны, проблема юридического положения дворянства в начале XX в. была в том, что имевшееся правовое поле не создавало условий в адаптации именно высшему сословию, не предоставляя ему для этого серьезных преимуществ. Поддерживая в дворянах сознание некой исключительности, «особности», искусственно завышая их реальную значимость в тогдашнем российском обществе, правительство бессознательно мешало дворянству трезво оценить обстановку, не оказывало ему реальной помощи для успешного приспособления к рыночным отношениям.

Известно, что теоретики элитизма выделяют «правящую» и «неправящую» элиту, или «контрэлиту». Уже действующая элита стремится закрепить свои позиции, усилить внутриэлитные кланы, в которых на первый план выступает принцип лояльности, преданности существующему строю.

Одновременно, согласно В. Парето, складывается контрэлита – оппозиционная по отношению к правящей политической элите часть социальной элиты, бюрократии, социальная группа, которая борется за право на вхождение в элиту или создание новой, субъект политики, который, действуя достаточно организованно, стремится получить власть в свои руки либо передать ее другой политической силе [14, с. 286–297; 16].

Контрэлита представляет собой социальный тип, по всем параметрам способный выполнять в обществе функции элиты, но заведомо лишаемый

такой возможности в силу созданных политической элитой социально-политических или (реже) экономических ограничений. Мировоззрению, ментальности, идеологии правящей элиты контрэлиты стремится противопоставить свои менталитет, мировоззрение и идеологию, на базе которой можно будет сплотиться на следующем этапе борьбы за власть и влияние в обществе (например, либерально-буржуазные системы взглядов против феодально-сословных ценностных систем).

Такой контрэлитой и становились обуржуазивающиеся представители российского дворянства. Ситуация складывалась трагическая: «призванные» в силу своих благоприобретенных качеств и социальной природы быть «элитой», дворяне-предприниматели невольно включались в состав буржуазии, т.е. становились частью «контрэлиты», противостоящей их собратьям по сословию. Лишалось своей социальной опоры и самодержавие: привыкнув видеть в представителях дворянского сословия опору, *базу* для рекрутирования элиты, оно в итоге вынужденно сужало *эту базу* до минимума.

Именно дворяне-предприниматели, те, кто более или менее удачно адаптировались к новым условиям, не получали специальной юридической поддержки российской власти. Инициаторы якобы «продворянских» законопроектов заботились лишь о сохранении прежнего, уже неактуального правового статуса когда-то высшего сословия. Не случайно большинство дворян, в том числе землевладельцев, остались практически безучастными и к «охранительным» мерам власти, и к постепенной утрате сословных привилегий, и, в конечном счете – к падению самой власти, пытавшейся гарантировать незыблемость старого уклада. Им не нужна была законодательная «защита» от свободного рынка; тем более без всякого энтузиазма они воспринимали законодательные ограничения своих прав на разделы, залоги или продажу своей земельной собственности. Можно полностью согласиться с С. Беккером, констатировавшим, что «задолго до того, как революция 1917 г. отменила их анахроничный статус первого сословия России, большинство дворян научилось жить, а иные – и процветать в мире, где наследственные привилегии были заменены равенством перед законом» [2, с. 309].

Исключительное значение в процессе эволюционирования дворянской сословной элиты к положению одной из страт буржуазного общества приобрели медленные, но постоянные изменения ее менталитета, мировоззренческих установок, потребность в психологическом приспособлении к меняющейся действительности.

Важнейшей составляющей российской дворянской ментальности некогда был декларируемый патриотизм, понимаемый как верность го-

сударству. Даже в тех случаях, когда сословные и государственные интересы не совпадали или противоречили друг другу, выбор делался в пользу последних, понимавшихся не как интересы «национальные», но отождествлявшиеся с потребностями самодержавно-бюрократического режима. Обратной стороной такого отношения к государству и олицетворявшему его самодержцу была относительная внутривластная и социальная пассивность, превращение российской элиты в холопов самодержавия. История России, по словам П.Н. Милюкова, не благоприятствовала образованию «крепко-сплоченных сословий... и в нашем дворянстве не создалось чувства сословного единства» [12]. При отсутствии этого корпоративного духа не могли бы долго и прочно существовать и дворянские привилегии.

Заметные перемены в этом направлении начались с вестернизацией общества и правящего слоя. Исчезает старая система чинов, на смену ей приходит «Табель о рангах», утверждение, что «в службе – честь», что «шляхетство ради службы благородно и от подлости отлично». С другой стороны, шаги верховной власти по отмене обязательности службы для дворян и расширение прав помещиков в отношении крепостных создали ту необходимую степень личной свободы и корпоративного духа, которые могли бы стать основой для появления массового дворянского «рыцарского» самосознания, духа независимости на западный манер. «Различия в чинах и должностях... в богатстве не мешают дворянству быть единым сословием, осознавать свою „особность“... главенствующее положение в государстве. Верховная власть поддерживала в нем эту уверенность... гордость и достоинство» [4, с. 36]. Становление дворянского самосознания способствовало его внутренней сплоченности и укреплению «благородного» сословия как *властной элиты*, характеризующейся низкой социальной представительностью, олицетворявшей относительно небольшую часть общества, и высокой групповой интеграцией.

С другой стороны, самодержавие сознательно поддерживало разобщенность внутри им же самим созданной дворянской корпоративной организации. Веками воспитывалась и национальная терпимость, укреплявшая политическую монолитность дворянства. Разнородное по национально-племенному составу и происхождению, сословие всегда выступало на стороне самодержавия как единая, сплоченная, дисциплинированная сила.

Параллельно закладываются основы дворянской внутрисословной этики, изложенные в огромном количестве справочников и сборников поучений, наставлений, рекомендаций. Сословно-корпоративный дух пронизывает первый российский свод правил поведения – «Юности

честное зеркало» [24]. Несмотря на то, что в указанной книге «дворянство» («шляхетство») почти не упоминается, вся направленность ее свидетельствует об адресовании правил хорошего тона и общежития именно и прежде всего дворянству, его молодому поколению, в целях его «улучшения» и обособления от «подлого» народа.

Еще одним элементом дворянской психологии было чинопочитание, выразившееся в трансформации чувства личного достоинства в «достоинство положения» в обществе. Отождествление своего достоинства с первенством в чинах и наградах приводило к гипертрофированному восприятию таких внешних отличий, как титулование, мундир, ордена и другие видимые атрибуты власти, преобладания над низестоящими, оценки данной личности самодержавной властью. Однако само получение дворянства по выслуге, как только это явление приобрело массовый характер, стало оцениваться в обществе как «второсортное», а личное дворянство даже не считалось «настоящим». Например, исследователь ярославского дворянства сделал «интересные наблюдения о новом [выслуженном] дворянстве», свидетельствовавшие «о недостаточной его интеграции в среду высшего сословия. По своим социокультурным характеристикам новое дворянство не соответствовало представлениям древнего помещного дворянства о высшем сословии» [18, с. 93]. Следовательно, способ рекрутирования в российскую элиту в начале XX в. имел тенденцию даже к усилению «гильдийности» при ротации ее состава.

На протяжении столетий огромное влияние на складывание, формирование и существование дворянского мировоззрения оказывала военная служба, бывшая (по крайней мере, считавшаяся) одновременно главной обязанностью и привилегией дворянства. Одной из важнейших причин, вызвавших падение дворянской монополии на военное дело, были изменения морально-этического порядка, повлекшие за собой весьма серьезные последствия. «С обнаружившейся несостоятельностью военной элиты перед лицом “военной тревоги”... обозначилась явственная тенденция не только к формированию “новой военной элиты”, но такой, чьи социокультурные привычки, устремленность и ментальная ориентация парадигматически определялась уже не старинными, “священными” дворянско-аристократическими, а потому преимущественно гуманитарными традициями, а техникой... Военное дело спускалось с высот “одухотворенного свыше” военного искусства до прозы обычного ремесла и умелого, профессионального обслуживания боевой техники» [13, с. 542]. Конечно, противостоять натиску разночинной прослойки «военных механиков» дворяне-офицеры не могли. Тем не менее служба, как и занятие сельским хозяйством (разумеется, в качестве помещика), считавшиеся

едва ли не единственными достойными дворянина источниками дохода, до конца существования сословия играли решающую роль в формировании психологии этой части российской социально-политической элиты.

В России, как, может быть, нигде в мире, сохранились элементы достаточно архаической структурированности, выражавшиеся, в частности, в социально привилегированном положении аристократии, становление внесословного интеллектуализма – одного из атрибутов буржуазного развития – протекало достаточно тяжело. Весьма условным приходится признать поэтому термин «дворянская интеллигенция». *Реальная* социокультурная принадлежность к дворянству как сословию профессиональных командиров-военных и руководителей-управленцев существенно затрудняла для дворян «интеллигентность» как род занятий и образ мыслей; принадлежность к интеллигенции фактически (на ментальном уровне) исторгала дворянина из дворянской среды; именно разворачивание процесса формирования «разночинной» интеллигенции как слоя внесословных интеллектуалов стало причиной гибели и дворянства в том числе, т.к. сословное устройство общества препятствовало развитию этой «интеллектуальной элиты».

Уже в эпоху наполеоновских войн, когда в Европе интеллектуальная элита приходит на смену сословной, российское дворянство все более ощущает потребность в европейской образованности. Одновременно происходит знакомство с идеями европейского либерализма, неразрывно с ней связанными. На смену культу социальной иерархии, культу царя постепенно приходит культ «свободной личности», идущей навстречу своей судьбе, самостоятельно творящей ее (в качестве такой личности воспринимался прежде всего Бонапарт).

Однако к началу XX в. верхушка общества, как и прежде, достаточно далека от интеллектуальной сферы, как и вообще от живого литературного процесса, изолирована от реальной духовной жизни России. Блестящие примеры тому – творчество К.Р. (вел. кн. Константина Константиновича) и кн. В.П. Палея (незаконного «сына» вел. кн. Павла Александровича). «Нереальность мира, грезы, любовь по правилам... Стихи, как отдых для души, как легкое занятие после завтрака или в предвкушении ужина – все это бросается в глаза в творчестве обоих поэтов» [1, с. 13], как и всех их собратьев по сословию, не захотевших или не успевших «перейти в иное социальное качество». Юнкера Николаевского училища, из стен которого «в свое время вышел корнетом знаменитый поэт Лермонтов... никогда не говорили “поэт Лермонтов”. В училище принято было говорить “корнет Лермонтов”, ибо для юнкерского уха “корнет”, конечно, звучал лучше и значительнее, нежели “поэт”... В самом деле,

в училище шли не для того, чтобы учиться сочинять стихи. Туда шли, чтобы стать лихими кавалеристами-рубаками» [19, с. 82].

Но если ранее занятия такого рода считались совершенно недостойным дворянина «ремесленничеством», отдававшимся на откуп «беспородным» профессионалам, то теперь подобное творчество становится все менее предосудительным в глазах «света». Императрица Александра Феодоровна лично занимается, как бы мы сейчас сказали, дизайном императорских дворцов и даже царской мантии; барон Н.Н. Врангель становится крупнейшим ученым-искусствоведом, князь П.П. Трубецкой – всемирно известным скульптором.

Официальная сословность общества – несомненная преграда для оформления и развития внесословной интеллектуальной элиты. Однако и образованная часть общества отделялась от народа своим образованием, недоступным последнему. Многое здесь изменилось уже в период «великих» реформ, резко поднявших престиж знаний, образования, квалификации.

Русское общество полвека после отмены крепостного права постепенно, но неуклонно шло по пути нивелирования, уравнивания сословий, и это пугало российское дворянство, порождало в нем пессимистические настроения. Отмена крепостного права и введение запутанной системы выкупных платежей, подорвавшие материальные основы существования дворянства, поставили дворян в сложное, двусмысленное, неопределенное положение, породили у некоторых из них даже некий «комплекс вины» перед крестьянами. Складывается мнение о народе как о стихийном носителе высших истин («народ-богоносец»), для выражения которых «европейское образование» и не обязательно. Таким образом, общественное сознание, не требуя образованности, «должного» интеллектуального уровня от дворянства, не предлагает ему и соответствующей альтернативы. Да и сама эта традиционная «домашняя образованность» дворянства, высшей аристократии, царской фамилии носила в контексте адаптации крайне ограниченный характер, была малопригодна для использования в индустриальном обществе.

В рассматриваемый период происходили огромные сдвиги и в сфере образования, и в сфере отношения к образованности. Уже к 1897 г. «на фоне низкой общей грамотности всего российского населения наблюдались настолько существенные сословные различия, что грамотность являлась одной из важных характеристик привилегированных и полупривилегированных сословий. Самый высокий и почти одинаковый процент грамотных показывали духовенство и дворянство: 72,3 и 71,1%... В городах процент умеющих читать или читать и писать среди данных сословий был несколько выше: у духовенства он равнялся 85,4, у дво-

рянства – 83,1%. Дворяне имели наибольший процент лиц, учившихся в университетах и других высших учебных заведениях (5,3%) и в средних специальных учебных заведениях (1,5%)... Сравнительно высокий общеобразовательный уровень дворянства и духовенства позволял этим сословиям осуществлять управленческие, духовные и культурные функции в государстве» [5, с. 246, 250].

Дворянство также пытается занять прочные позиции в области образования и культуры. Однако в начале нового столетия здесь встречались определенные трудности – чем дальше, тем больше. Большую роль здесь сыграла русская литература. Навязанный аристократии «комплекс вины» перед народом заставляет ее представителей чуть ли не в массовом порядке участвовать в революционном движении, подрывая устои собственного благосостояния. Идеализация «простых тружеников», сочувствие «униженным и оскорбленным», наконец, громогласное и многословное нескончаемое обсуждение планов разнообразных реформ и нововведений, призванных «улучшить жизнь» и вообще «что-то сделать», свидетельствуют о крайней моральной неуверенности элиты, показывает ее слабость. Утрата веры в себя и свою избранность, в свое призвание к делам государственным, в божественное право стоять над народом и управлять им лишает аристократию, правящие круги права на само существование. Признание своего долга перед низшими сословиями стало в морально-этическом плане самоубийственным для «сословия избранных», подорвало устои сословной идеологии, утверждавшей право на исключительность для «благородных».

Позиции дворянства подрывала также фактическая общедоступность среднего и высшего образования, постепенное снятие одного из формальных требований, предъявляемых к претендентам на продвижение в верхние социальные слои в виде искусственно создаваемых препятствий, характерных для гильдийной системы рекрутирования элиты. Ответ на перемены в обществе с его стороны неизбежно должен был стать консервативным. Резкая радикализация настроений студенчества в российских вузах привела к возникновению в феврале 1914 г. проекта создания «дворянской высшей школы», имевшей своей целью оградить дворянскую молодежь от «революционной заразы» [3, л. 10–12]. Подготовленная для доклада на X съезде уполномоченных на этот предмет записка уполномоченного тамбовского дворянства А.К. Болдарева, составленная в феврале 1914 г. в имении Воронцовка, вызвала сочувствие в Совете Объединенных дворянских обществ.

К началу XX в. общественно-политическое положение дворянства как элиты в России характеризовалось следующими признаками.

1. Гильдийная система формирования элиты, т.к. в ней:
 - отбор претендентов осуществляется из лиц, преданных политическому строю, придерживающихся требуемых традиций, норм поведения и официальной идеологии, а продвижение вверх по служебной лестнице происходит медленно, постепенно, из нижестоящих слоев самой элиты, отличающейся замкнутостью и труднодоступностью;
 - для продвижения из нижних слоев в верхние существует масса искусственно создаваемых препятствий в виде предъявляемых к претенденту формальных требований;
 - круг осуществляющих отбор в элиту лиц очень ограничен и немногочислен, кадровые вопросы решаются келейно;
 - имеется устойчивое стремление к воспроизводству себе подобных, одинаковых, похожих друг на друга своими деловыми качествами, мировоззрением, установками, членов элиты.
 2. Закрытый тип элиты, присущий странам с авторитарными режимами и соответствующим гильдийной системе формирования.
 3. Наследственная по источнику влияния на политику, т.к. члены высшего сословия не только имели заведомое преимущество перед остальными сословиями во всем, что относилось к власти, но и распространяли это преимущество на родственников и потомков.
 4. Правящая по отношению к власти, ибо почти все причастные к власти в начале XX в. нередко принадлежали не просто к дворянству, но к знатнейшим аристократическим фамилиям, а главное, именно они, наряду с профессиональной бюрократией (члены которой также имели права потомственного дворянства), оказывали определяющее воздействие на политику правительства.
 5. Властная по степени развитости и соотношения вертикальных и горизонтальных связей, т.е. элита с низкой социальной представительностью (слабой вертикальной связью с массами) и высокой групповой сплоченностью (сильная горизонтальная связь); в начале XX в. дворянство обладало уже признаками дезинтегрированной элиты – низкой представительностью и низкой сплоченностью.
- Интегрирование представителей дворянства в системе монополистического капитализма отражало генеральный процесс формирования единой страты индустриального общества – буржуазно-помещичьего класса. «Перерождение “благородного сословия” в новых условиях диктовалось не субъективными “желаниями” или всего дворянства, или отдельных его групп, а жестокой необходимостью, потребностью выжить в эпоху господства всемогущего капитала. Мир прибылей привлекал дворянство возможностью сохранить свое место наверху, извлекая такие доходы,

которые в иных областях деятельности и другими путями получить было практически нельзя» [20, с. 44]. Подобная эволюция приводила к тому, что в числе лидеров монополистической буржуазии оказывались крупные помещики и потомственные дворяне.

Мы можем сделать следующее заключение. Социальный состав российского дворянства, источники и способы его пополнения в рассматриваемый период, несмотря на такие внешние признаки сословия, как кажущаяся замкнутость, кастовость, плохая мобильность и слабые связи с обществом, некий имидж «приподнятости» над остальным населением империи, – на самом деле не являлись уже определяющими. Российское дворянство было по своему составу более демократичным, чем многие современные ему элиты. Сохраняя многие, достаточно незначительные формальные привилегии (право на ношение особой униформы, родовые титулы, гербы), а также ряд фактических, исторически обусловленных преимуществ (например, позиции в различных сферах государственной службы), оно было подготовлено к грядущим переменам событиями предшествующего исторического периода.

Исторический урок, который заключается в опыте исследования жизнедеятельности российского дворянства как социально-политической элиты, его значение для других общественных наук, прежде всего политологии, состоит в том, что социальный облик и содержание элиты и ее лидеров должны соответствовать как требованиям внешнеполитической обстановки, так и сложившейся в обществе ситуации, тем переменам, которые происходят как внутри социальных страт, так и между ними. Социальные позиции, занимаемые дворянством в начале XX в., еще позволяли ему приспособиться к новым условиям в качестве одного из верхних слоев формировавшегося индустриального общества, но к 1917 г. высшее сословие уже начало утрачивать как материальную, так и социальную опору, а также морально-идеологическое обоснование своего существования.

Библиографический список

1. Барановский А. Князь Владимир Палей. Биография. Стихи. Б. м., 1997.
2. Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Пер. с англ. Б. Пинскера. М., 2004.
3. Болдарев А.К. Записка уполномоченного тамбовского дворянства А.К. Болдарева, февраль 1914 г. // ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 434 (Постоянный совет Объединенных дворянских обществ). Оп. 1. Д. 188.
4. Буганов В.И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–41.

5. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.
6. Каленский В.Г. Политическая наука в США. М., 1969.
7. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 3–46.
8. Курков К.Н. О преподавании истории социально-политических элит в высшей школе (на примере российского дворянства) // Материалы Международной научной конференции МСХА (декабрь 2001 г.): Сб. научных тр. Вып. 8. М., 2002. С. 163–168.
9. Курков К.Н. Предпринимательство и меценатство: графы Строновы времен модернизации России начала XX в. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № № 4. С. 36–43.
10. Курков К.Н. Российские дворяне – коллекционеры, меценаты и предприниматели в эпоху модернизации XX в.: князя Барятинские // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2014. № 1. С. 18–30.
11. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
12. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1909.
13. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности). Орел, 2000.
14. Осипова Е.В. Социологическая система Вильфредо Парето // История буржуазной социологии XIX – начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М., 1979. С. 309–331.
15. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
16. Политический энциклопедический словарь / Под ред. Ю.С. Шемшученка, В.Д. Бабкина, В.П. Горбатенка. Киев, 2004.
17. Свод Законов Российской империи. Кн. I. Т. I. Ч. 1. Свод Основных Государственных Законов. Раздел I. Гл. I. Ст. 4. СПб., 1912.
18. Смирнов Р.А. К вопросу о социальной идентификации в Ярославской губернии: новое дворянство в конце XIX – начале XX в. // Народ, политика, власть в истории России: Межвузовский сб. научных тр. Вып. 2 / Под ред. Г.Н. Кочешкова. Ярославль, 2005. С. 91–94.
19. Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары / Сост., вступ. ст., примеч. и коммент. В.П. Польшковской. М., 1991.
20. Фурсенко А.А. Русский Вандербильт (К.И. Ярошинский) // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 43–47.
21. Херманн М.Г. Составные части лидерства // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов / Пер. с англ. М., 1992. С. 91–107.
22. Шаран П. Сравнительная политология / Пер. с англ. Ч. 2. М., 1992.
23. Шаран П. Элитизм // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов / Пер. с англ. М., 1992. С. 107–112.
24. Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению. Собрание от разных авторов. СПб., 1717.
25. Blondel J. Political leadership. Towards a General Analysis. L., 1987.
26. Charan P. Theory of Comparative Politics. New Delhi, 1984.
27. Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. NY, 1963.